
Красный закат —
Гомкори
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Оксана Сулимова

Красный закат — Гомкори

«Автор»
2026

Сулимова О.

Красный закат — Гомкори / О. Сулимова — «Автор», 2026

Во времена Чосона, разворачивается история о долге и страсти. Девушка по имени Пак Суми вынуждена выйти замуж за короля под давлением своего отца, чтобы услужить вдовствующей королеве, но ее сердце было уже отдано королевскому советнику Ким Доха. Двое влюбленных оказались в сложных обстоятельствах, перед ними предстал выбор между любовью, долгом и многолетней дружбой.

© Сулимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 28

Оксана Сулимова
Красный закат — Гомкори

ПРОЛОГ

Небо охватил сильный проливной дождь, всё затянуло могучими серо-чёрными облаками. Казалось, что была глубокая ночь, но стрелка на часах показывала всего 21:00. Капля за каплей дождь бил по крышам высоких зданий. Ночной Сеул в этот момент звучал словно барабанный бой, напоминающий такт музыки.

Томимый унынием дух всматривался в бурление этого огромного города. Гомкори недвижно замер, тяжесть сердца придавливала его изнутри. Высокий и подтянутый мужчина казался похожим на окружающие его небоскрёбы, выдержавшие испытание временем и стоящие неумолимо.

Размышления мужчины прервались звуками шагов сзади.

Обернувшись, он увидел девушку, пробравшуюся на крышу здания. Среди шума ливня она приблизилась к самому краю и внезапно упала лицом вниз на холодную поверхность пола, совершенно не заметив, что она здесь не одна.

«И снова передо мной человек, страдающий так же сильно, как и я сам», — невольно подумал дух.

— Забери мою боль, прошу тебя, забери её! Мне невыносимо больно… — прокричала девушка, прикрывая руками лицо и захлёбываясь слезами.

— И кого ты просишь? Кого просишь, чтобы забрал твою боль? — голос мужчины вырвался из-под тени.

— А-а, кто здесь? — девушка подняла голову и увидела удивительно красивого мужчину, но с таким же печальным взглядом, как у неё.

— Кто вы? Простите, я не знала, что тут кто-то есть…

— Может, эта встреча была заранее предопределена самой судьбой, не считаешь? — Гомкори вёл себя отрешённо, его голос был тихим и спокойным, он посмотрел куда-то в небо, а потом снова на незнакомку, не выражая никаких эмоций.

— Что вы хотите сказать?

— Итак… кого ты молишь о помощи? Скажешь? — Гомкори ожидающе вглядывался в растерянное и заплаканное лицо девушки.

Вопрос застал её врасплох, она даже не думала об этом раньше и замялась. Наконец она произнесла неуверенно, отведя взгляд куда-то вдаль, избегая пристального наблюдения незнакомца:

— Богу?..

Её ответ, как и ожидал Гомкори, был очевиден, что он даже улыбнулся. — Ты правда веришь, что он услышит твои молитвы? Уверяю, мой голос давно утонул среди небесной тишины.

Мужчина словно призрак присел рядом с девушкой на краю крыши, свесив ноги вниз, слегка отклонился назад и внимательно посмотрел ей прямо в глаза.

Её немного пугало присутствие странного незнакомца, однако, заглянув в его глаза, она поняла, что не сможет оторвать взгляда — они были бесконечно грустными и пустыми, что-то в них ей казалось знакомым, то что откликается ей.

— Я верю, что однажды наши страдания стихнут и нам станет легче.

Отчаяние прозвучало в её голосе.

Несколько минут они молчали. Затем дух заговорил:

— Как тебя зовут?

— Ким Сона, а вас?

— Ким Доха. Почему ты плачешь?

— Из-за потери моих родителей. Мама ушла давно, а недавно ушёл и отец. Теперь я совсем одна…

— Если бы у тебя была возможность загадать одно желание, какое оно было бы? Но помни, воскрешение родных нельзя считать вариантом.

Она подумала и тихо сказала:

— Наверное, стать счастливой. Чтобы я больше не чувствовала одиночества и рядом был мужчина, на которого я смогу опереться. Банально звучит, да? — немного смущённая, Сонна выдавила из себя грустную улыбку и потупила взор.

— Прекрасное желание, — согласился дух, вспоминая собственную первую любовь, и вновь испытал острую боль воспоминаний. Последние слова его возлюбленной, произнесённые ею перед кончиной, эхом отдавались в голове. Много лет назад именно в этот день он потерял её навсегда.

— Давай заключим договор, — предложил дух. — Чья молитва достигнет Бога быстрее. Если победишь ты, Сонна, я выполню твоё желание. Ну а если победа достанется мне, то… — Доха оборвал фразу на полуслове, понимая, что ничего существенного попросить у девушки он не сможет. Ведь единственное, чего он хотел, она не смогла бы осуществить: вернуть ту, кого он любил до сих пор.

Сонна повторила вопросительно:

— Значит, что?

— Придумаю позже, если одержу верх.

Сонна поднялась с влажного пола и протянула ему руку:

— Договорились. Тогда давайте встретимся с вами снова, когда найдём хоть небольшой просвет из своих бед.

Доха добавил:

— Да, когда обретём счастье.

— Верно!

Так дух заключил соглашение с незнакомкой, пришедшей столь неожиданно и развеявшей ход его мыслей. Провожая её взглядом, пока она скрывалась за дверью, спускаясь по лестнице, он мгновенно растворился в воздухе, едва остался один.

Гомкори — дух, живущий в нашем мире уже многие века. Времена меняются, зима уступает весне, весна — знойному лету, и этот цикл продолжается непрерывно, подобно бесконечному кругу, а дух Гомкори остаётся прежним. Во времена династии Чосон он был влиятельным господином, совершившим непростительный проступок, стоивший ему жизни и жизни его единственной возлюбленной. Лишь Ким Доха возродился из мёртвых и теперь странствует по миру, следуя течению времени бок о бок, но его первая и единственная любовь так и осталась незавершённой.

Глава 1

Чосон, 1682 год. Время правления короля Сок Чон Вана. Ким Доха, двадцать три года, юноше удалось успешно сдать экзамены на должность ученого при королевском дворе. Через два года он стал главным советником правителя. Несмотря на молодость, он отличался смелостью и мудростью, владел оружием и боевыми искусствами. Именно такого человека король стремился видеть рядом с собой, ведь он надеялся, что советник будет с ним до конца его дней и будет верно защищать его. Для короля Ким Доха был не просто чиновником, а близким другом, с которым можно было отдохнуть душой и доверительно пообщаться. Их отношения походили на братские чувства, зародившиеся ещё в детстве.

Однажды ранним утром, наслаждаясь утренней прохладой, Ким Доха решил прогуляться вдоль улицы, обсаженной благоухающими цветами персиковых деревьев. Проходя вдоль по торговой площади, он заметил яркие украшения, выставленные на продажу. Желая приобрести понравившуюся ему вещь, он подошел к лавочке и начал разговор с хозяином:

— Сколько стоит эта вещица, госпп…?

Но его речь резко оборвала одна юная девица в нежно-розовой накидке и длинной косой, уложенной набок, быстро вмешавшись в диалог с продавцом безделушек:

— Я возьму это украшение! Сколько с меня заплатить?

«Да как ты смеешь, ты кто такая вообще?»

Взглянув на девицу, Доха собирался выразить ей своё возмущение её невоспитанным поведением, но красота девушки моментально лишила его дара речи.

Она быстро сунула пару монет в руку продавцу и заторопилась прочь от лавки с товарами, не обращая никакого внимания на стоящего господина, словно его там и вовсе нет. Госпожа махнула рукой стоящей рядом с ней молодой служанке, одетой в простую одежду, подзывая её, и та поплелась за ней, перебирая ноги мелким, но быстрым шагом.

Доха задумался: «Кто она? Раньше я её не видел? Чья-то семья переехала сюда? Но я не слышал о таком. Она явно не из бедной семьи, и служанка своя имеется». — Пойду за ней! — буркнул себе Доха.

Молча преследуя её шаги, он незаметно пришёл к дому знатного господина.

Доха завидел, как голубые ворота начали открываться, и притаился за углом стены. Перед ним предстал почтенный министр двора, встречавший свою дочь. Узнав отца девушки, Доха удивлённо отметил про себя:

— Она из знатной семьи, я знаю его! Министр Пак, не думал, что у вас такая красивая дочь. Доха наблюдал за её манерами, отмечая, насколько они благодарны. Его полностью захватило очарование его дочери, он любовался ею издалека, поражаясь её прелестным и утончённым линиям лица. Она показывала отцу то, что купила на рынке, при этом мило улыбалась. Министр Пак сначала встретил дочь с хмурым лицом, а после растворился в улыбке и позвал дочь в дом.

На следующий день Доха намеренно отправился к её дому, желая устроить встречу якобы случайно. Солнце только начало подниматься над горизонтом, город ещё спал, на улице не было ни единого человека. Почти на цыпочках, контролируя каждый шаг, чтобы не создавать лишнего шума, он подошёл ближе к воротам и заглянул в маленькую щель забора, словно вор. Все ещё спали; если бы кто-то его заметил, пришлось бы оправдываться, что он благородный муж и это не то, чем кажется. Покружив некоторое время неподалёку от дома, он заметил, что улица потихоньку начала оживляться, и стоять посреди дороги было уже не так странно и неловко. Наконец послышались звуки из поместья министра Пака, а ещё через некоторое время ворота распахнулись, и дочь министра с сопровождением вышла на прогулку.

В моменте Доха растерялся: он подался вперёд, как её завидел из-за долгого ожидания, и тут же себя оборвал.

— Я её так напугаю.

Кхм-кхм, он пару раз кашлянул, пытаясь привлечь её внимание, делая вид, что встряхивает одежду, но девушка стояла у ворот, не повернув голову в его сторону. Он стоял сбоку от неё на расстоянии двадцати шагов.

— Давай, Доха, ты должен подойти, смелее. Доха сделал над собой усилие и шагнул навстречу. Оставалось всего пару шагов, он только хотел выкрикнуть «Простите, юная госпожа», но та неожиданно двинулась вперёд. Он промедлил, так ничего и не сказав. Девушка давно заметила его присутствие: она почувствовала, как он шёл за ней, и, мельком бросив робкий взгляд, тут же скромно отвернулась.

— Постойте! Госпожа…

— Вы мне? Что такое? — Девушка остановилась и развернулась, гордо рассматривая молодого господина.

Доха нагнал девушку и почти дрожащим голосом решился спросить то, что первое взбрело в голову.

— Куда вы направляетесь, госпожа? Можно мне сопроводить вас?

— Зачем вам провожать меня? — Девушка удивлённо округлила глаза, уставившись на незнакомца. — Я вас не знаю, отправляйтесь своим путём, пожалуйста.

— Я понимаю, что это кажется немного неуместно, но по улицам патрулируют солдаты, проверяя всех подряд. Ходят слухи, что некий преступник притворяется женщиной. Если я буду рядом, они наверняка воздержатся от досмотра.

— Ваша заботливость весьма приятна, но я вполне справлюсь самостоятельно. Тем более откуда мне знать, что этим самым преступником можете оказаться именно вы. — Гордо поблагодарив молодого господина, девушка спокойно продолжила путь.

Доха удручённо выдохнул: — Дурак, драться научился, грамматике тоже, а вот в любви я полный олух. Доха остался на том же месте и смотрел на удаляющуюся фигуру, но продолжил идти вслед за ней. Юная госпожа почувствовала, что он наблюдает за ней и вечно появляется у неё на виду, но решила никак не реагировать. Войдя на торговую площадь, город действительно кипел беспорядками: военные подвергали проверке каждого прохожего независимо от статуса и происхождения. Повсюду были слышны короткие женские визги и грубые голоса солдат.

— Думаю, нам действительно сегодня не погулять, тот мужчина был прав.

— Госпожа, давайте вернёмся скорее домой, я боюсь! Тут творится какой-то хаос, вдруг мы пострадаем. — Служанка Чоним настойчиво дёргала рукав на предплечье госпожи, оттягивая её назад.

— Ладно, Чоним, уходим!

Однако вдруг раздался крик солдата:

— Эй, девушка, постойте. Стойте немедленно! Покажите ваше лицо!

Госпожа вздрогнула от страха и прикрыла ещё больше своё лицо накидкой, делая вид, что не слышит просьбу уполномоченного. Солдат счёл такое поведение ещё более подозрительным, он грубо схватил её за плечи и развернул к себе лицом.

— Послушайте, господин военный, это уважаемая госпожа, моя хорошая знакомая и дочь министра Пака. Таких господ вы должны знать в лицо. Вы не смеете так хватать молодую и хрупкую девушку! — Раздался твёрдый и уверенный голос молодого господина.

— Ох, господин советник, простите великодушно, я не имел понятия. — Солдат поспешно извинился и ретировался от греха подальше.

— Вы советник короля?

— Совершенно верно. Меня зовут Ким Доха, а ваше имя госпожа Пак…?

— Меня зовут Пак Суми.

Осознавая свою грубость ранее, девушка попыталась исправить впечатление. — Прошу прощения, ранее я не признала вас, молодой господин советник. — Суми согнулась в поклоне.

Доха кончиками пальцев осторожно, едва касаясь предплечья Суми, приподнял её, заставляя выпрямиться. — Не стоит извиняться. Несколько секунд неловкого молчания, Доха впервые чувствовал себя так, будто совсем не знает женской любви.

«Да что со мной?»

Чтобы молчание не затянулось, он начал разговор, приглашая вытянутой рукой девушку пройтись медленным шагом. — А вы знаете, что мы с вами уже встречались?

— Когда же?

— Вчера. Я вас увидел, когда вы покупали вот эту вещицу. — указывая на свисающее на талии Суми украшение с белым лунным камнем и бахромой.

— А откуда вы узнали, что мой отец — министр Пак?

— Я увидел его у вашего дома.

— Так значит, вы проследили за мной.

— Не поймите неправильно, но да, так и было.

Щёчки Суми залились пылким жаром. Она теребила края своего манжета, не поднимая глаз от волнения. Незаметно за разговором они вышли из торговой улицы и дошли до тихого места, где не было никого, кроме них двоих.

— Суми… — Доха остановился и обратился к девушке, позволив себе коснуться её подбородка и приподнять его вверх. Чоним, которая шла за ними на расстоянии пятнадцати шагов, ахнула и замерла от происходящего.

Осторожно поднимая взгляд, Суми от волнения потеряла дар речи: его глаза горели и отражали образ стоящего напротив человека, будто гладь тихой воды. Однако столкновение взглядов оказалось незабываемым: мгновение— и посторонняя суматоха прекратилась, звуки улиц и ветра угасли. Всё происходящее вокруг утратило значение, остались лишь двое, соединённых невидимой нитью судьбы. Любовь поразила их сердца одновременно и бесповоротно.

После их разговора Доха проводил юную госпожу до её дома. По дороге они мило беседовали об украшениях, увиденных на торговых прилавках, однако Доха боялся попросить о следующей встрече, опасаясь отказа.

Но пока он терзался этими мыслями, девушка первой нарушила молчание: — Здесь нам предстоит расстаться, господин советник…

Сердце Дохи сжалось от тревоги, и он выпалил: — Что же теперь делать? Сумею ли я вновь увидеть вас завтра?

Суми смущённо потупилась и тихо улыбнулась: — Если ваше сердце столь уязвимо, значит, судьба распорядится иначе. Она подняла глаза и доверчиво посмотрела на него.

— Завтра утром, на рассвете, сможете ли вы прийти ко мне у большого дерева, где маковое поле?

Суми уверенно ответила: — Буду там точно в назначенный час!

В этот момент они услышали тоненький голосок Чоним: — Госпожа, скорее входите, пока ваш отец занят делами.Она открыла затворку. И едва Суми скрылась за воротами, лицо её озарилось широкой счастливой улыбкой, полной радостного предвкушения.

Ночь была полна тревожного ожидания: Суми предчувствовала новую встречу с уже любимым. Когда солнце лишь слегка показалось над горизонтом, она тихонько выскользнула из дома, внимательно оглядевшись вокруг. Убедившись, что все спят, девушка быстрым шагом отправилась к выходу, минуя сонные улочки с домами и опустевший утренний рынок. Вскоре она вышла на узенькую дорожку, ведущую к маковым полям…

***

В это же утро в доме господина Пака внезапно раздались громкие удары в дверь. Распахнув главные ворота, слуги увидели прибывшего королевского посланника, уверенно шагающего внутрь. Господин Пак поспешил встретить важного гостя.

— Приветствую вас, господин, вы так внезапно к нам пожаловали. Чем могу быть полезен?

— Министр Пак, я к вам от имени вдовствующей королевы.

Господин Пак в душе возрадовался и засуетился, приглашая господина в главную комнату для приема гостей.

— Подайте нам чай и угощения, — обратился он к прислуге.

Усадив гостя в гостиной на мягкие подушки и предложив чашечку чая, господин Пак сел, ожидая важного разговора. И тот немедля приступил к делу:

— Господин Пак, я явился сюда по поручению королевы-матери с приятной вестью. Ваша дочь избрана невестой нашего короля Сок Чон-Вана. Если все пройдет так, как задумывается, вас назначат левым министром двора. Вам предлагается аудиенция у королевы-матери завтра, в час лошади.

Господин Пак улыбнулся и сказал:

— Это великая честь для нашей семьи. Передайте нашей повелительнице, что мы непременно явимся!

Через некоторое время посланник ушел. Как только господин Пак проводил его за ворота, он расплылся в широкой улыбке и расхохотался. А после сразу же крикнул прислуге, убирающей двор:

— Иди разбуди Суми.

— Господин, ее нет в комнате.

— Куда она ушла? — тут же нахмурился господин Пак.

— Я… я не знаю. Когда я вошла, чтобы разбудить ее, ее уже не было в комнате.

— Хм, хорошо. Сообщи мне, когда она вернется. Куда она с утра пораньше вышла? Совсем от рук отбилась.

Отец Суми вошел в дом. Мысли о новой должности крутились в воображении о предстоящей власти. Его уголки губ так и подергивались вверх.

«Как выгодно я выдам дочь замуж. Такая удача не каждому дается».

***

Под высоким толстым вековым деревом посреди огромного макового поля, в тени, стоял Доха. Солнце только поднялось, и воздух ещё не согрелся; прохладный ветер обдувал тело советника, по коже пробежала дрожь. Доха, казалось, не замечал происходящего вокруг — он всё время смотрел вдаль, на пустую протоптанную траву в середине поля.

Через некоторое время его взгляд застыл на далёкой фигуре, медленно приближавшейся сквозь густые заросли. Волосы девушки были аккуратно уложены в изящную косичку, плечи покрывала нежная розовая накидка. Сердце Дохи остро кольнуло, стоило ему увидеть этот прекрасный образ.

«Поистине любовь может быть такой нежданной» — промелькнула мысль в его сознании. — Невероятно, значит, это действительно любовь? — выдохнул парень, поражённый глубиной собственных эмоций.

По мере приближения Суми улыбнулась, чувствуя, как лицо залилось румянцем. Её взгляд неотрывно следил за мужчиной впереди. Пока она шла навстречу, её словно охватывало наваждение: был только его образ, и больше ничего — будто всё становилось чёрно-белым, и лишь он один казался цветным.

Суми почувствовала, как сердце бешено бьётся. Она остановилась и положила руку на грудь. — Что же это такое? Любовь… Вот она какая, — тихо прошептала девушка, повторяя мысли Дохи.

Доха быстро подошёл к девушке и протянул ей руку. Она осторожно вложила свою ладонь в его и последовала за ним. Доха осмотрелся вокруг, пытаясь найти подходящее место, где они могли бы отдохнуть и провести время вместе.

Суми весело рассмеялась и спросила: — Что вы ищете, господин советник?

Доха провёл рукой по гладкой коже подбородка и, улыбнувшись, ответил: — Где бы нам устроиться, чтобы вам было комфортно?

Суми показала на поваленный древесный ствол, лежавший на земле. — Почему бы не сесть здесь? Мне будет удобно наблюдать за вами, господин советник.

Суми уселась на ствол, весело болтая ногами, которые не доставали до земли, подняла голову и посмотрела на стоявшего рядом Доху.

Она добавила с лёгким смехом: — Из-за вашего высокого роста мне приходится постоянно поднимать голову, а солнце сегодня особенно яркое. Я едва вижу ваше лицо.

Доха громко рассмеялся, восхищённый очаровательностью девушки. — Ну что ж, тогда я встану вот сюда и заслоню собой это солнце. Так вы сможете прекрасно рассмотреть меня.

Доха так и сделал. Суми около минуты разглядывала его лицо и пришла к выводу, что он очень красив и мужественен, но не сказала ему об этом.

Тёплый ветер подул им в лицо, и несколько прядей легли на её лицо. Рука самовольно дёрнулась — и Доха уже поправлял волосы Суми, приблизившись лицом к лицу очень близко. Девушка застыла и, казалось, забыла, как дышать. Доха заметил её волнение и ущипнул за краснеющую щёчку. — Не забывайте дышать.

Как только он прошептал ей это, он тут же отодвинулся и присел рядом с ней. Суми всё ещё держалась за ущипнутое место и, казалось, покраснела от смущения ещё больше.

Для Дохи такое поведение казалось очень милым, и он рассмеялся.

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали советником короля в таком раннем возрасте?

Вопрос был очень неожиданным, но он сразу же ответил: — Я вырос при дворе с раннего возраста, много учился и изучал боевые искусства. Мы с королём были друзьями ещё детьми и занимались у одного учителя. В юности я дал клятву защищать его и прилагал немало усилий для исполнения своей клятвы.

Затем Доха игриво взглянул на Суми и задумчиво замолчал, изучая черты её лица с лёгкой ухмылкой.

— О чём вы думаете? — поинтересовалась Суми.

— Вот смотрю на вас и размышляю, почему такую прелестную девушку никто ещё не похитил?

Суми вспыхнула ярким румянцем. — Кто посмел бы?!

Доха продолжал мягко: — А если решусь сделать это именно я, вы станете возражать?

— Только мой отец имеет право решать, за кого мне выходить замуж, — тихо ответила девушка.

— Отлично, тогда обязательно обращусь к нему с просьбой, — твёрдо заявил Доха.

Девушка сразу же возрадовалась.

Лепестки цветов с дерева над ними мерно опускались на землю, окутывая влюблённую пару мягким ароматом природы. Тёплое солнце щедро грело их тела, усиливая ощущение счастья и гармонии.

Через некоторое время Суми решила отправиться домой. — Мне пора, — сообщила она, стараясь скрыть грусть расставания.

Молча Доха подошёл ближе и осторожно погладил её руку. Глаза девушки мгновенно увлажнились, дыхание участилось.

Затем, слегка покраснев и немного поколебавшись, Доха притянул Суми ближе и робко поцеловал её в губы. Чувства, вложенные в этот простой жест, оказались глубже любых слов.

— Мы обязательно встретимся опять, правда? — нерешительно произнёс он.

Девушка не сумела выговорить ни звука, ограничиваясь крепким объятием.

Blue
Blossom

Ким Доха

Глава 2

Вернувшись домой, Суми неожиданно натолкнулась на суровую фигуру отца, застывшую у входа, словно изваяние. Руки его были сцеплены в замок, а лицо не предвещало ничего доброго.

— Отец… вы уже проснулись? — Суми запаниковала, голос её дрогнул, и она поспешила юркнуть в дом, надеясь избежать разговора.

— Где ты была? — процедил господин Пак, прищурив глаза, и его голос, полный недовольства, хлестнул её, словно плеть, вдогонку.

Суми замерла у крыльца. Не поднимая головы, она медленно обернулась и пролепетала, запинаясь: — Я… я была у портнихи. — Слова сорвались с её губ, будто вытолкнутые силой. Затем, собравшись, она натянула улыбку, взглянула на отца и уже более уверенно, стараясь придать лжи правдоподобие, добавила: — Хочу сшить новое платье, а мне сказали, что нужно прийти очень рано, чтобы его успели сшить быстрее.

— Садись. Нам предстоит серьёзный разговор, — отрывисто бросил он.

Суми покорно опустилась на уличный пуфик у входа, но внутри всё сжималось от страха — она ждала, что сейчас её будут отчитывать.

— Тебе не стоит больше так своевольничать, — заявил отец.

Суми подняла на него недоуменный взгляд. Он продолжил, чеканя каждое слово:

— Завтра мы отправляемся во дворец. Тебя официально избрали будущей супругой короля.

— Но отец, я не желаю выходить замуж за короля! — Голос Суми сорвался в дрожь, словно струна, готовая оборваться.

Отец одарил её ледяным, безжалостным взглядом и произнёс:

— Хочешь ты или нет — меня не интересует. Ты моя единственная дочь, и только мне решать, что для тебя хорошо.

Суми смотрела на него ошарашенными глазами, видя, как в нём разгорается алчная жажда будущей власти. Пока он говорил, его лицо искажала злоба. Решение уже было принято, и ничто не могло остановить его на пути к новому положению.

— Как можно не желать стать королевой, вознестись над всеми? Ты понимаешь, всё будет у твоих ног. Суми, меня повысят до левого министра. Это будет лучшее, что с нами произойдёт.

Каждое его слово отзывалось в ней, как болезненный удар, отдаваясь глухой болью.

— А как же мои чувства, отец! Ты подумал о своей новой должности, и я всё уже поняла: у тебя появилась возможность, и ты крепко ухватился за неё, но обо мне ты даже не вспомнил. — Суми не выдержала, гнев и обида прорвались наружу. — Ты думаешь о своей выгоде, но разве ты не знаешь, каково это — быть членом королевской семьи? Я буду заперта, словно в золотой клетке.

— А что тебе ещё нужно?! — рявкнул господин Пак. — Ты женщина, у тебя не должно быть голоса. Ты должна делать то, что тебе говорят. Пока ты моя дочь — будешь слушать меня. Станешь женой — будешь слушать мужа. Тебе не должно быть интересно, что творится за пределами дворца. Твой удел — родить королю наследников, и большего ты желать не смеешь.

Господин Пак замолчал, почти задохнувшись от собственной злобы. Он судорожно глотнул воздух, шумно выдохнул — эмоции взяли верх. Он отвернулся, услышав, как Суми захлёбывается слезами, но не желая их видеть. Тихо, почти устало, он продолжил:

— Разве девушка может мечтать о чём-то большем, кроме как выгодно выйти замуж? Раз у меня нет сына, разве я не вправе выдать тебя замуж за того, кого пожелаю? Разве я не заслуживаю этого как твой отец? Ты росла в роскоши, Суми, так что не перечь мне — просто будь благодарна!

— Отец! Почему ты так говоришь? Аа… — простонала дочь в спину отца. — Разве я виновата, что у вас с мамой нет сына? Я тоже человек…

Но она вдруг осознала: говорить что-либо бесполезно. Перед ней стояла спина — стена, глухая и непробиваемая, не желающая слушать ничего. Он уже всё решил.

Эта новость оставила глубокий след в душе Суми. Вся ночь прошла в муках, сомнениях и тревожных мыслях. Девушка долго стояла у окна, созерцая спокойное сияние полной луны и загадочное мерцание звёзд.

Её размышления неизбежно возвращались к одному выводу: если она сбежит к Доха, примет ли он её? Захочет ли взять на себя ответственность за женщину, чья свадьба назначена официально? Ведь побег невесты, предназначенной королю, карается смертной казнью. Любил ли он её достаточно сильно?

«Ах, как же поступить? Я не могу подставлять любимого. К тому же мой побег разрушит семейную репутацию, создаст неприятности отцу, а его самого могут приговорить к казни!»

Отказ от своей любви казался девушке единственным верным путём.

«Наверное, это моя судьба.»

Параллельно бессонной ночью мучился беспокойством и господин Пак. Ворочаясь в постели и заложив руки за голову, он вновь и вновь прокручивал в голове разговор с дочерью. Каждый раз он досадливо фыркал, вспоминая её нежелание выходить замуж.

— Тьфу, да как так можно?… Разве она понимает эту жизнь? — Он приподнялся на локте. — Шанс породниться с королевской семьёй бывает раз в жизни, да и то не у всех. — Но тут же осадил себя: — Нет, нет, нет. Даже если отказаться, вдовствующая королева может и вовсе казнить или сослать в ссылку… Посыльный сказал, что королева обещала повышение.

Господин Пак довольно улёгся снова, заложив руки за голову, и на губах его заиграла самодовольная улыбка.

— Статус и влияние. Э-эх.

Гордость распирала его от того, что выбор королевы пал именно на его дочь. «Конечно, не зря я столько лет работал на благо их семьи».

Между тем далеко от столицы, на маковом поле у толстого старого дерева, окружённого тишиной и темнотой, мощная молния сверкнула в ночном небе, яркой линией прочертила небосвод и ударила прямо в верхушку ствола. Тонкие вибрации звоном разошлись по нему. Подобно знаку судьбы, этот акт ознаменовал начало цепи важных событий, которым суждено изменить будущее Ким Доха и Пак Суми.

Судьба сделала свой ход, вступив в игру, которая перевернёт их жизни. Началось путешествие, связывающее две молодые души неразрывными узами печали и страсти.

***

Суми и её отец ожидали в доме для гостей, примыкавшем к покоям вдовствующей королевы в её дворцовой резиденции. Господин Пак предвкушал скорую аудиенцию у матери-королевы — его лицо светилось торжеством. Но что творилось в душе Суми? Там, словно в штормовом море, клубились волны горечи и смятения. Она тонула в страхе и чувстве полной беспомощности. «Оказывается, самое страшное — гореть в безысходности, знать, что ничего не изменить, и при этом покорно выбирать лишь наименьшее из зол», — уголки её губ болезненно дрогнули вверх. «Даже смешно сейчас пытаться казаться спокойной». Суми скосила глаза на отца и заметила, что он, напротив, пребывает в приподнятом расположении духа. Его довольство ранило её, словно острый нож, — она чувствовала себя растоптанной этой его беззаботностью. Суми крепко зажмурилась, ощущая, как предательски жгут глаза слёзы. «Доха…» — прошептало её сердце. «Вчера был такой дивный день», — невольно вспомнила она их встречу на маковом поле, где воздух был пропитан ароматом лета и нежности. Она понимала: такого больше не повторится никогда, и теперь ей суждено видеть Доху лишь при

исполнении им своих обязанностей — и каждый такой взгляд будет царапать её израненную душу. В груди снова кольнуло: «Он ведь даже не знает…» — промелькнуло в сознании. И хотя всё её существо рвалось прочь, бежать из этого места, откуда, возможно, нет возврата, девушка собрала остатки воли в кулак, отчаянно цепляясь за последние крупицы достоинства.

Створки двери бесшумно разошлись, нарушив тягучую тишину покоев. Вошедший мужчина склонился перед министром, сидевшим за небольшим столиком. Согнувшись в глубоком поклоне, он произнёс ровным, лишённым эмоций голосом: «Вдовствующая королева готова вас принять. Прошу, следуйте за мной».

Они двинулись по коридору, где не было ни окон, ни единого огонька свечи. Суми отстала от придворного слуги и своего отца. Замерев в начале коридора, она вгляделась вперёд, туда, где конец пути тонул в непроглядной тьме. Страх сковал её не от мрачности обстановки — её ужасал сам шаг, который предстояло сделать. Ей казалось, что, ступив в эту темноту, она шагнёт в клетку, уготованную ей.

— Госпожа! — раздался тихий голос, и к ней подбежала совсем юная девушка, лет четырнадцати-пятнадцати, ещё одна служанка двора. — Вы заблудились? Меня отправили за вами.

Суми вздрогнула от неожиданности, растерявшись на мгновение.

— Хорошо, ведите меня.

У дверей покоев королевы отец Суми мрачно сдвинул брови, глядя на дочь, и зашептал, едва сдерживая раздражение: — Ты чего так долго заставляла себя ждать? Опусти голову и иди скорее.

Обстановка комнаты дышала гнетущим мраком, порождая тревогу и напряжение. Юная девушка мгновенно ощутила себя крошечной букашкой перед величием этого места. Она низко опустила голову, сжимаясь под прямым взглядом королевы-матери, и боялась издать хотя бы малейший звук. Подойдя ближе, она увидела, что королева восседает за прозрачной навесной ширмой. Суми с отцом опустились на колени и склонились в поклоне.

— Поднимите занавес! — тотчас две служанки исполнили повеление королевы.

— Приветствую, министр Пак, — голос королевы звучал твёрдо, но в спокойной интонации чувствовались величие и врождённое благородство. Она восседала на мягких перинах, окутанная тусклым светом.

Королева холодно, оценивающе окинула взглядом будущую супругу сына, отметив красоту и утончённость черт девушки. Её сдержанный наряд и мягкость облика тронули королеву, вызвав лёгкую удовлетворённую улыбку. — Ты прекрасно выглядишь, дорогая. Уверена, ваши дети станут украшением дворца, — промолвила она.

Суми низко поклонилась, не смея поднять глаз. — Благодарю, Ваше Величество, — тихо ответила она.

Королева обернулась к министру: — Как вы уже знаете, зачем я вас призвала. Я хочу узнать, согласны ли вы на брак моего сына, короля, и вашей дочери?

— Мы безмерно рады, и для нас это великая честь. Конечно же, я отдам дочь за короля.

— Если свадьба будет назначена на завтра, прошу подтвердить ваше одобрение, господин министр.

Господин Пак почтительно склонил голову, готовый согласиться с любой волей монаршей особы.

— Пусть служанки проводят нашу избранницу к королю, дабы они познакомились ближе, — распорядилась королева.

Следуя приказу, Суми отправилась вслед за придворной дамой, трижды отвесив поклон монахине.

Оставшись наедине, министр Пак потешно улыбнулся, кашлянул в кулак, прочистил горло и начал подводить к долгожданному разговору. — Ваше величество. — Министр позволил себе приблизиться к даме. — Что насчёт должности левого министра?

— А вы, как я посмотрю, времени даром не теряете, министр Пак. Конечно, конечно. — Королева не торопилась начинать разговор. Она взяла со стола трубку, набитую табаком, и пустила дым прямо в лицо гостю. Тот скукожился от едкого запаха, отодвинувшись назад, но всё же попытался повернуть разговор в свою пользу, растянув льстивую улыбку: — Ваше величество, вы обещали, что если я соглашусь выдать дочь за короля, мне причитается повышение.

— Вы понимаете, во дворце я провела почти всю свою жизнь, и для меня крайне важно иметь здесь своих людей. Чтобы поддерживать сына, мне нужно быть в курсе всех дел, но все министры в первую очередь работают на моего сына, а мне нужен доверенный человек. Я сделаю вас левым министром первого ранга, но взамен вы будете преданы в первую очередь мне. Любая просьба, значительная или незначительная, любая информация — всё должно передаваться мне. О государственных вопросах я тоже должна знать всё.

Для министра Пака это не было проблемой: пока королева озвучивала свои условия, он уже одобрительно кивал головой, соглашаясь на всё, что было сказано.

***

Служанка оставила юную госпожу у самых дверей библиотеки: — Госпожа, можете входить и ожидать здесь.

Переживая, Суми сделала успокаивающий выдох, толкнула дверь и шагнула в светлую просторную комнату.

Она оказалась лицом к лицу с Доха. В первое мгновение Суми дёрнулась от неожиданности, будто испугалась, — и тут же её глаза наполнились влагой, а руки задрожали от волнения. Между ними повисло напряжение, и тишину нарушало лишь гулкое биение двух сердец.

— Сегодня прибудет невеста короля, — обронил Доха, бросив острый взгляд на вошедшую девушку.

Вместе с его словами сердце Суми рухнуло куда-то на пол. Мысли никак не укладывались в голове; он был потрясён её появлением, и голос его сорвался на слове «невеста».

— Это ты, Суми? — уточнил он с лёгким недоумением.

От стыда она опустила голову, и слёзы хлынули с новой силой.

— Почему? — Доха не понимал, почему именно она?

Не выдержав, Суми крепко обняла его, утопая в спасительном тепле его рук. Его же руки так и оставались безжизненно прямыми.

— Прости меня, пожалуйста, — рыдала она. — Я узнала обо всём, как только вернулась с нашей встречи. Я не хочу замуж за короля, Доха.

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Я не знала, что мне делать, Доха. Ты говорил, что ты друг детства короля и самый приближённый к нему человек. Ты бы считался предателем, если бы я обратилась к тебе за помощью. И что тогда — мы бы сбежали?

— Я… — Доха обнял её в ответ и тихо произнёс: — Я что-нибудь придумал бы.

— Свадьба назначена уже на завтра. Слишком поздно.

— Не может быть. Я не могу отпустить тебя, Суми. Я не могу отдать тебя в руки другого мужчины. Доха минуту молчал, а затем к нему пришла отчаянная мысль, и он уверенно предложил: — Давай убежим сегодня вечером. Они не найдут нас, если мы будем достаточно осторожны.

Суми колебалась, осознавая всю опасность плана: — Но если они поймают нас, то накажут смертной казнью!

Прикоснувшись двумя ладонями к её лицу, Доха успокаивающим голосом объяснил: — Мы сможем спрятаться так далеко, что даже спустя сотню лет нас не отыщут.

Резкий стук в дверь прервал их беседу. Голос извне возвестил о прибытии монарха: — Его Величество прибыл!

Испуганная девушка отпрянула, опустив голову и приветствовав короля, но сохраняя внешнее спокойствие. Распахнулись тяжелые дубовые двери. Король, руки заложив за спину, размеренно вошел в библиотеку, его взгляд был устремлен на Суми. Он пристально рассматривал лицо юной невесты, отмечая ее необычайную красоту и изящество. Король был вполне удовлетворен выбором королевы-матери, полагая, что кандидатура подходит ему. Однако он заметил, как девушка заметно нервничала, и ее лоб покрылся мелкими каплями пота. — Молодая госпожа, почему вы избегаете моего взгляда? Что-то вас беспокоит? Взгляд короля переместился на его советника. Доха выглядел непривычно обеспокоенным и напряженным. В голове короля промелькнула мысль: «Что с ним?»

Суми уловила странный взгляд короля, направленный на советника, но сохранила самообладание, несмотря на нахлынувшие воспоминания о недавних объятиях с Дохой. «Неужели он что-то заметил?»

— Ваше Величество, — промолвила Суми, — благодарю вас за заботу. Сегодня действительно душно, но всё в порядке. — Девушка, стоя в поклоне, оказалась между королем и Дохой, словно загораживая его. Продолжив, она искоса взглянула на советника: — Ваше Величество, позвольте нам присесть за стол у открытого окна. Там, кажется, немного прохладнее.

Но король направился к балкону библиотеки. Он обвел взглядом разноцветные цветы, украшавшие перила, а затем уселся за деревянный стол. — Сидя у беседки, можно наслаждаться любимой библиотекой и вдыхать свежий аромат цветов, пребывая в тени, — подчеркнул король. — Присаживайтесь, полагаю, вам здесь понравится. Суми молчаливо подчинилась его словам.

Король ловил каждое её движение. С той самой минуты, как зашла речь о его женитьбе. Он бессчётное число раз рисовал в воображении облик будущей супруги — той, что предстанет перед народом, чьё имя впишут в летописи. Будет ли она кроткой, заботливой, верной? И когда Суми впервые вошла в библиотеку, она разом оправдала все его сокровенные ожидания.

В потоке солнечных лучей комната вспыхнула живыми красками, отражёнными от бесчисленных книжных корешков, что ровными шеренгами высились на высоких стеллажах.

Между стеллажами, в самом дальнем углу библиотеки, Доха замер, сложив руки замком. Он наблюдал за королём, и буря эмоций нахлынула на него в одночасье. Ревность пеленой застелила глаза, когда он увидел, как изменилось лицо монарха: в этот миг он понял — невеста пришлась королю по душе, и свадьба неминуема.

— Доха!

— окликнул его король.

— Да, Ваше Величество.

— Оставь нас вдвоём.

Доха вышел из залы и тут же свернул в соседнюю комнату. Он знал каждый уголок дворца наизусть. Прямиком направившись к массивному деревянному стеллажу, он с силой толкнул его, да так, что рукописи, лежавшие на полках, обрушились ворохом на пол. Заглянув в образовавшуюся щель, он отодвинул стеллаж с грудой свитков — за ним скрывалась узкая потайная лазейка, которая прямиком выглядывала в библиотеку, так он смог подслушать разговор Суми с королем.

Оглядев просторную библиотеку, наполненную запахом старинных пергаментов и пылью веков, Суми тихо спросила:

— Похоже, вы много читаете, Ваше Величество?

— Эта библиотека — моё самое любимое место. Здесь я отдыхаю душой, — признался король, ощутив неожиданную близость с собеседницей. — А чем увлекаетесь вы?

— Книгами, — честно ответила Суми.

Король оживился, улыбнувшись:

— Прекрасно! Значит, наша общая страсть станет для нас связующей нитью. Я посвящаю эту библиотеку вам — обустройте её по своему вкусу.

— Вы очень щедры, Ваше Величество, — прозвучал ответ.

В голосе Суми слышались лишь вежливость и официальная признательность — ни тепла, ни искренности. Король уловил в её словах холодную дистанцию, но всё же старался сохранить дружелюбный тон:

— Надеюсь, я смогу доставить вам удовольствие, равно как и вы доставили его мне. Я искренне рад, что вы стали моей невестой.

— Для меня большая честь служить вашему народу, — уклончиво произнесла Суми.

Фразы девушки звучали сухо и формально. Король, разочарованный отсутствием эмоциональной отдачи, решил завершить разговор, чтобы не терпеть неприятного осадка:

— Прошу прощения, но дела государства требуют моего немедленного возвращения.

Суми облегчённо вздохнула — визит окончен. Она быстро поднялась из-за стола и низко поклонилась, стремясь поскорее покинуть покои.

Тем временем Доха, скрываясь за тонким шёлковым экраном, наблюдал за сценой, разрываясь от ревности и негодования. Видя, как король с искренней симпатией смотрит на Суми, он кипел от злости, осознавая, сколь опасным становится его присутствие на пути к отношениям и совместного будущего с Суми.

— Почему именно ты оказался на моём пути? — ворчал он, с трудом сдерживая бушующие эмоции.

Завидев, что Суми собирается уходить, Доха решил действовать. Он поспешно набросал тайную записку, вышел в коридор и, затаившись в углу, протянул её девушке. Суми, заметив его, вздрогнула, оглянулась назад и, мгновенно скомкав бумагу в ладони, спрятала её. Король тут же вышел следом и столкнулся с советником лицом к лицу.

— Ты что здесь делаешь, Доха? — резко бросил король, тут же скользнув взглядом за спину советника. В соседней комнате, словно после бури, громоздилась целая гора беспорядочно разбросанных бумаг.

— Я искал кое-какие записи, — ответил Доха, стараясь сохранить невозмутимость.

— Какие ещё записи? — прищурился король. — Я вижу, ты очень тщательно искал.

Доха обернулся: стеллаж был сдвинут с места и перекошен, рядом валялись раскрытые книги. Он выпрямился и, не моргнув глазом, заявил:

— Я искал книгу «Введение в дела прошлого советника». Он оставлял в ней весьма важные пометки.

— Мм, хорошо, — король перевёл взгляд на Суми, которая стояла неподвижно, опустив голову, и обратился к ней: — Юная госпожа, позвольте проводить вас к вашему отцу. Он, должно быть, уже заждался вас.

— Да, ваше величество, — тихо ответила Суми.

Она украдкой взглянула на Доху. Его лицо было болезненно бледным, словно осунувшимся. Он явно переживал, что же им обоим делать теперь. Его взгляд метнулся к её ладони, сжимавшей записку, и он едва заметно кивнул — прочти, обязательно прочти.

Вернувшись домой, Суми тотчас заперлась в своей комнате. Из рукава, словно из тайника, она извлекла смятую записку и перечитала короткое послание: «Наше место — в полночь». Смысл был ясен, и вместе с надеждой в груди всколыхнулась тревога: она понимала, что эта встреча — последний шанс обрести свободу. Сердце бешено заколотилось, слёзы радости и облегчения хлынули из глаз, всё внутри переворачивалось. Она прижала исписанные строки к сердцу, словно запечатывая в них своё намерение, и принялась готовиться к побегу.

Наступила долгожданная полночь. Ночная мгла окутала окрестности непроницаемым покровом, скрывая всё лишнее. Доха беспокойно мерил шагами пространство вокруг заветного дерева, вглядываясь в каждую приближающуюся тень, в каждой надеясь узнать любимую.

— Где же ты, Суми? — шептал он, и сердце его сжималось от предвкушения. Он уже рисовал в мыслях, как она появится перед ним, как он почувствует облегчение, и они сделают шаг в общее будущее. В памяти всплывали первые мгновения их знакомства, сладкий вкус поцелуя, нежность прикосновений. Он знал: ради этого он готов рискнуть всем — даже жизнью. Но тот взгляд в библиотеке, взгляд Суми, словно молящий о помощи, — он не мог его забыть, и он не давал ему покоя.

Минуты тянулись, превращаясь в долгие часы томительного ожидания. Надежда таяла, уступая место разочарованию и глухому раскаянию. Небо уже начало светлеть, а Суми так и не пришла.

Что же помешало ей оказаться здесь?

Дома, в тишине своей комнаты, Суми погрузилась в пучину мучительных раздумий. Её сердце разрывалось между долгом перед семьёй и предательским, но таким сладостным зовом свободы. Внутренний голос, взывавший к покорности, яростно спорил с тем другим, что шептал о побеге.

— Как же мне поступить? Неужели я обязана принести своё счастье в жертву холодным обязательствам? — терзалась она сомнениями.

Чоним, её верная служанка, осторожно пыталась урезонить госпожу:

— Госпожа, умоляю, подумайте ещё раз. Ведь вы уже на пороге трона. Побег — это бездна, последствия которой невозможно предугадать.

Мысли Суми метались в хаосе. Одно лишь воспоминание о Доха разжигало в груди жгучее пламя — желание увидеть его, сбежать из золотой клетки, обрести настоящую любовь.

— Нет, Чоним! Я иначе не могу. Я видела его — там, во дворце. Представь: стать женой короля и каждый день смотреть в его лицо? Я сгорю там, сгорю заживо! — Суми разрыдалась ещё сильнее, заглушая рыдания ладонью.

Чоним крепко обняла свою госпожу, нежно поглаживая её по спине, и молча кивнула.

— Я помогу вам. Но, госпожа, прошу вас, будьте осторожны.

— Послушай меня внимательно, Чоним, — Суми, смахнув слёзы, взяла служанку за руки и заговорила твёрдо. — Когда я исчезну, собери свои вещи и немедленно уходи. Лучше в другую деревню. Никому не называй ни своего имени, ни того, у кого ты служила. Начни новую жизнь. Если тебя здесь поймают, когда хватятся меня, тебя ждут жестокие пытки. Живи, пожалуйста, и тогда мы встретимся снова.

Но действительность оказалась беспощадной. Чоним попыталась отвлечь стражу, охранявшую дом будущей королевы накануне свадьбы. Она поднесла стражнику воду, давая Суми возможность незаметно выскользнуть.

— Господин солдат, как же вам, должно быть, нелегко стоять здесь всю ночь, оберегая покои юной госпожи… Без еды и питья вы можете лишиться чувств прямо на посту. Возьмите хотя бы глоток воды, вот, прошу вас.

— Госпожа, служба обязывает нас быть бдительными. Мы не можем отвлекаться даже на такую малость, как вода.

— Ничего страшного не случится, если вы сделаете пару глотков. Умоляю, возьмите!

Оказавшись на улице, Суми стремглав бросилась к месту встречи с Доха, ощущая в душе странное, пьянящее освобождение.

— Скоро я его увижу, — мечтательно шептала она, сердце её пело.

Но судьба распорядилась иначе. Отец Суми, разбуженный скрипом двери, обнаружил исчезновение дочери. Не замеченный стражей, он выскользнул следом и, преградив беглянке путь, схватил её.

— Суми! Куда ты?! Какую глупость ты задумала?!

Холодный страх сковал её тело, в душе образовалась зияющая пустота. Понимая, что сопротивление бесполезно, она разразилась истерикой:

— Папа, не отдавай меня за короля! Я не хочу этого брака!

Отец, не обращая внимания на слёзы и мольбы, стиснул её руку:

— Тебе придётся выйти замуж. Свадьба состоится завтра. Я делаю это ради твоего же блага и благополучия нашей семьи.

Расставание было трагичным. Будущее оказалось предрешено: любовь проиграла бездушным условностям и неумолимым правилам дворца.

Он шёл молча, увлекая её за собой, словно невидимая сила толкала его вперёд, не давая остановиться. Губы его были плотно сжаты, в глазах — смесь раздражения и растерянности. Каждый шаг отдавался острой болью в сердце, напоминая о словах вдовствующей королевы.

«Ведьма, которую я вырастил собственными руками, ставит под сомнение мою честность», — неотступно крутилось в голове. Возмущение и глухое недовольство завладели им без остатка, не оставляя места ни для чего иного.

Страх перед последствиями побега становился невыносимым. Каждая клетка его существа осознавала: наказание неминуемо, и вряд ли оно ограничится простым предупреждением. Жизнь, карьера, статус — всё зависело от того, сумеет ли он вернуть её назад целой и невредимой.

— Зачем ты поступила так глупо? — чуть слышно прошептал он, на миг остановившись, но тут же продолжил путь, избегая смотреть ей в глаза.

Осознавая всю тяжесть ситуации, он двигался механически, отбрасывая любые попытки заговорить. Его разум занимала лишь одна мысль — исполнить поручение, данное высшей властью. Угрызения совести и жалость уступили место суровому чувству долга и ответственности.

— Если стража сейчас обнаружит, что тебя нет, что тогда?

«Теперь тебе придётся расплачиваться за свою дерзость», — мрачно думал он, ведя её вперёд, туда, где уже ждало неизбежное наказание.

Глава 3

Наступило утро. Суми проплакала всю ночь, уткнувшись головой в колени, вжавшись в кровать. Всё её тело дрожало от бессилия, в голове стоял туман, а боль глухо отдавалась в висках. Мужской голос с улицы ровно, без тени эмоций, прокричал: «Паланкин для невесты прибыл!» — и в ту же минуту в комнату вошёл отец. Лицо его было хмурым, но он молчал. Взглянув на дочь, он лишь открыл дверь, посмотрел на неё печальным взглядом и вышел. Следом за ним вошли две служанки — они механично, словно заведённые куклы, положили на кровать одеяние невесты, потянули Суми за руки, заставляя подняться на ноги. Они облачили её, нанесли макияж, надели украшения и вывели на улицу, к паланкину. Суми обернулась в последний раз, глядя на дом, который покидала навсегда. По её щеке скатилась слеза. Но тут же, собрав всю волю в кулак, с каменным сердцем и бесстрастным лицом, она села в красный паланкин. Господин Пак застыл перед ней — его сердце сжималось от боли, и он тихо заплакал. Она же подумала про себя: «Стоит ли сейчас лить слёзы? Это всё твоих рук дело. Надеюсь, ты будешь счастлив, похоронив меня в стенах этого дворца. Считай, что я умерла для тебя».

Господин Пак так и промолчал. Он опустил шифоновую шторку, и паланкин двинулся в путь.

Ей оставалось лишь покориться судьбе и принять свою участь, несмотря на бурю внутренних переживаний и глухие сомнения. Паланкин, доставивший её во дворец, сопровождаемый гвардейцами, подчёркивал всю торжественность и неотвратимость момента. Когда процессия прибыла к воротам дворца, началась церемония коронации: собравшиеся придворные, склонив головы, приветствовали новоиспечённую королеву.

Суми вошла в главный зал — по обе стороны, ровной линией, выстроились чиновники, генералы первого, второго и третьего рангов со своими семьями. Королевские дети и их отпрыски, королевские учёные — и каждый из них скандировал: «Приветствуем новую королеву Чосона!» Новая королева ступила на красную дорожку, оставляя всех позади, и остановилась у ступеней, перед самым пьедесталом, где возвышалось Тронное место. Она подняла голову — перед ней стоял король Сок Чон Ван, а рядом, в левом углу, позади, — главный советник Ким Доха. Его лицо было каменным: ни один мускул не дрогнул, лишь бледное, застывшее лицо, отвёрнутое от королевы. «Посмотри на меня, пожалуйста», — сердце пропустило удар, отозвавшись где-то в горле. Она встала рядом с королём.

Господин Пак, министр первого ранга, стоял в первом ряду с остальными министрами. Один из них подал знак присутствующим: «Поклонитесь королеве!» Все согнулись в глубоком поклоне. Суми повернулась лицом к королю и поклонилась своему супругу.

Вдовствующая королева, сидевшая на ступень ниже королевского трона, подошла к новоиспечённой паре и обратилась к народу: «Желаем этому браку быть крепким и плодородным!» Королева-мать подняла обе ладони вверх и ещё громче добавила: «Желаем вам много детишек!» Подданные вторили: «Желаем много детей!»

После этого королева-мать, король Сок Чон Ван и королева Суми уселись на мягкие перины за низкий деревянный столик. Им подали крепкий напиток, и каждый присутствующий в зале поднял чашу с вином за здравие.

— Ваше величество, сегодня я пригласила к нам монаха, который вычислил для вас благоприятную дату брачной ночи.

Королева-мать повела рукой в сторону, и через мгновение к ним приблизился монах средних лет. В руках он сжимал свиток с датами рождения короля и новой королевы. Он робко развернул его на алом ковре и принялся истолковывать свои записи.

— Ваше величество, по моим расчётам, брачная ночь должна свершиться именно этой ночью. Это самое благоприятное время за весь ближайший месяц.

Сок Чон пристально вгляделся в письмена монаха и произнёс: — Тогда так тому и быть.

Он поднял пиалу и осушил её одним глотком. Королева-мать ликовала: наконец-то всё сложилось именно так, как она задумала.

Советник Ким же наблюдал со стороны. Суми в его глазах казалась испуганным кроликом среди хищных зверей. Услышав о брачной ночи, он едва устоял на ногах — ноги его подкосились.

— Доха! — окликнул его король.

— Да, ваше величество.

— Подготовь всё к брачной ночи.

Король поднялся из-за стола, подошёл к Доха и положил руку ему на плечо: — Я на тебя надеюсь, друг.

Сквозь бурю эмоций Доха выдавил из себя улыбку.

Окружённая суетливой заботой служанок, готовивших всё к первой брачной ночи, Суми осталась одна в роскошных покоях короля, ожидая его прихода. Просторное ложе укрывало мягкое шёлковое одеяло, а нежный аромат цветов плыл по комнате, соткав атмосферу томительной близости и предвкушения. Рядом стоял сервированный столик с напитком, предназначенным для угощения монарха его юной супругой.

Однако мысли Суми витали далеко от этих стен. Она вспоминала возлюбленного, тосковала по нему, терзаясь вопросом: где он сейчас и почему не явился на столь значимый час её жизни? Девушка трепетно переживала за Доха, ощущая его присутствие где-то внутри себя, хотя телесно его не было рядом. Эти воспоминания увлекли её прочь от действительности, пока дверь спальни не распахнулась, впустив высокого мужчину с резкими чертами лица и властной поступью. Король казался взволнованным — он сжимал и разжимал пальцы, напрягая руки, будто пытаясь обуздать внутренний трепет. Его взгляд был прикован исключительно к невесте, подчёркивая серьёзность намерений и тяжесть ответственности грядущего.

Ярко-красный наряд гармонично завершал его образ, олицетворяя мощь и величие, что несла в себе корона. Каждый уверенный шаг приближающегося монарха заставлял сердце Суми биться чаще, пробуждая в душе смешанную гамму страха и смутной тревоги перед неизвестностью.

Суми подняла глаза на короля, и в её сознании промелькнуло: «Неужели сейчас всё начнётся?»

Король остановился напротив королевы и произнёс ледяным тоном: — Думаю, вам следовало бы поприветствовать меня подобающим образом.

От неожиданности и растерянности Суми позабыла все церемониальные манеры. Порвисто склонившись в глубоком поклоне, она сложила ладони над головой и опустилась на колени перед монархом. — Добро пожаловать, Ваше Величество…

Затем, протянув руку, она указала на стоящую рядом подставку с чашей напитка и вежливо молвила: — Прошу вас отведать сей напиток, приготовленный в честь вашей особы.

Они долго сидели в молчании, смущённо поглядывая друг на друга, боясь нарушить тишину первым словом. В воздухе повисло тягостное безмолвие, прерываемое лишь редкими тихими вздохами.

Тем временем король осушил одну чашу крепкого рисового вина за другой, постепенно теряя контроль над собой. Хмель разгорячил его кровь, усиливая внутренний жар и обостряя восприятие прекрасного женского образа. Наконец осмелев, король твёрдо произнёс: — Снимите верхнюю вуаль с ваших прелестных плеч… Мне думается, мы можем позволить себе немного расслабиться.

Суми резко вскинула глаза, поражённая этим приказом. Сердце её бешено заколотилось, дыхание сбилось, ладони задрожали, когда она осторожно стянула полупрозрачную ткань, обнажая нежную кожу.

— Отчего вы так дрожите? Вы боитесь? Или это трепет от моего присутствия? — спросил король, мягко проведя ладонью по обнажённой шее девушки.

Её охватило острое чувство дискомфорта от прикосновения мужчины, которого она не знала и не любила. Но, осознавая неизбежность случившегося, Суми сделала глубокий вдох, отпустив последние остатки сопротивления.

Король придвинулся ещё ближе, ласково очерчивая пальцем её бледную щёку и задерживаясь возле припухлых губ. Медленно склонившись, он осторожно коснулся губами её рта. Аромат девушки мгновенно разжёг в нём новое, пылкое и неукротимое желание. Плотнее прижавшись к телу Суми, король ощутил каждую линию её изящной фигуры, растворяясь в нарастающей волне восторга и блаженства.

***

Неделя миновала с той пышной церемонии, что навеки связала молодого монарха узами брака. Едва рассветные лучи коснулись витражей дворцовой библиотеки, король и его друг, советник Доха, уже склонились над свитками, что таили в себе тяжкое бремя государственных забот. Несдержанная нервозность Доха, словно незримая тень, легла между ними, отравив привычную гармонию холодом напряжения и глухим раздражением. В душе короля зрело недовольство: поведение советника, его подчёркнутое молчание и нервные жесты выдавали ту же бурю, что бушевала и в нём самом.

Внезапно король отодвинул пергамент и резко, с едва сдерживаемой злостью, бросил: — Долго ты будешь еще греметь?! Меня выводит из себя этот вечный грохот бумаг и чернильниц!

Однако Доха, словно окутанный невидимой бронёй, не шелохнулся. Он продолжал своё дело, погружённый в глубины собственных раздумий, где, казалось, не было места внешним раздражителям. Возмущённый таким ледяным пренебрежением, король вскипел и повысил голос до предела: — Доха! Ты хоть слышишь меня?!

Этот голос — знакомый с детства, когда-то полный тепла и беззаботного смеха — теперь пронзил юношу насквозь, задев самые потаённые струны души. В нём смешались горькая ненависть, обида, жгучая зависть и щемящая печаль. Именно в этот миг Доха осознал: прежний мир, где они были просто друзьями, безвозвратно растворился в прошлом. Воспоминания нахлынули мутной волной, оставляя после себя лишь горький осадок сожаления и разочарования. Но внутренний голос, голос совести, упрямо шептал: король не повинен в этой перемене — так стоит ли винить его?

Лишь спустя долгую, тягучую паузу, вернувшись из плена своих мыслей, Доха тихо произнёс: — Прости, мой король. Я позволил себе отвлечься.

Взгляд монарха смягчился, в нём мелькнула искренняя тревога: — Тебя что-то гложет. Говори, что случилось?

Но советник лишь уклончиво повёл плечом, пряча глаза: — Пустое. Голова слегка разболелась, не более того.

Правитель не пожелал довольствоваться такой отговоркой: — У всякой боли есть причина. Назови её.

Доха молчал, стараясь удержать невозмутимость, отводя взор в сторону — он отчётливо понимал, насколько бессилен перед собственными чувствами и как трудно говорить правду, когда она может ранить.

Однако разговор внезапно свёл в иное русло: — Послушай, Доха. Собери моих телохранителей. Сегодня я отправляюсь в ближайшую деревню. Оттуда доходят жалобы на произвол местных властей, жестокое обращение с крестьянами и невыплаченное жалование.

— Как прикажете, мой повелитель, — отозвался Доха, и в глубине души его мелькнула тихая, почти крамольная радость: наконец-то он останется один, в этой тишине, где не будет ни голоса короля, ни его пронзительного взгляда. — Возможно, у меня получится поговорить с Суми, — подумал он.

Король вскоре покинул библиотеку, а Доха, медленно опустив бумаги из рук, развернулся и попятился к высокому закрытому шкафчику. — Где-то тут я оставлял бутылку вина. Ему так внезапно захотелось выпить чего-то крепкого, может, чтобы расслабиться или набраться смелости.

— Вот ты где. Белый маленький глиняный кувшин. Доха потряс им, чтобы проверить, сколько осталось содержимого внутри. Не очень-то много, но на четыре крупных глотка ему хватило.

Сад дышал вечерней прохладой, и тени деревьев тянулись по дорожкам, словно чьи-то длинные пальцы. Королева не успела сделать и десятка шагов навстречу, чтобы поприветствовать супруга, как дорогу ей преградил советник — высокий силуэт, выросший перед ней так внезапно, что придворные дамы за спиной государыни разом смолкли.

— Ваше величество, — Доха склонился ровно настолько, насколько требовал этикет.

Он говорил громко, для чужих ушей, но глаза его, устремлённые на королеву, были тихими и острыми, как лезвие в бархате. Жестом — коротким, властным — он отослал прислугу, и те попятились, шелестя юбками, к дальней беседке. Придворные, сбившиеся у фонтана, уже косились, ловя каждое движение этой странной сцены.

Доха шагнул ближе, чем дозволяли приличия. От него пахло чернилами и холодным утренним вином.

— Ваша светлость, — выдохнул он почти беззвучно, так, что слова падали прямо в ухо, — сегодня вечером пойдите в купальню. Отошлите дам. Король уезжает из дворца — это даст нам время поговорить.

Королева вздрогнула, будто её коснулись ледяной водой.

— Но что, если нас застанут? — она подавила порыв отшатнуться, и от этого голос её стал ещё тише, но острее. — Доха, это безумие. Одна тень в коридоре — и нас обоих вздёрнут на воротах.

— Доверься мне, — советник не отступил, и в глазах его вспыхнуло что-то, от чего у неё пересохло во рту. — Я сделаю всё, чтобы нас не нашли. Но поговорить необходимо.

Он наклонился ещё на дюйм, и его дыхание коснулось её виска.

— Вы придёте, — произнёс он не как просьбу, а как факт, уже высеченный в камне.

Королева взглянула в сторону — придворные шептались.

— В сумерках, — сказала она наконец, и это прозвучало почти как проклятие. — Не раньше.

Доха отступил, снова становясь безупречным, бесстрастным советником, и поклонился уже по всем правилам.

— Как прикажете, ваше величество.

Он уходил по аллее, и тени листьев скользили по его спине, точно пальцы, тянущиеся вслед. Королева осталась стоять, чувствуя на виске чужое дыхание.

Наступил долгожданный вечер. Королева проводила короля в путь, а затем немедленно распорядилась, чтобы служанка приготовила ей купальню. Придворная дама наполнила огромную ванну горячей водой. Поверхность воды украшали лепестки цветов, а рядом стояли чаши с ароматными маслами для ухода за кожей. Служанка помогла королеве облачиться в полупрозрачную шифоновую одежду и освободить длинные волосы от заколок.

Войдя в теплую воду, королева огляделась, пытаясь разглядеть, где скрывается возлюбленный, Доха. Сердце бешено колотилось в груди от страха перед возможным разоблачением. Чтобы немного прийти в себя, она обратилась к своей верной помощнице Чоним:

— Зажги благовония и оставь меня одну! Проследи, чтобы никто сюда не вошел!

Оставшись наконец в одиночестве, королева сделала глубокий вдох горячего пара, ощущая, как успокаивающий аромат сандала наполняет пространство купальни, постепенно снимая напряжение.

Тем временем Доха осторожно пробрался внутрь. Раздвинув штору, он оказался в главном зале с бассейном. Его взгляд остановился на прекрасной фигуре любимой, видневшейся сквозь туман и тонкую мокрую ткань платья. Ее обнаженная спина, покрытая каплями влаги, казалась воплощением божественного совершенства.

Доха беззвучно ступил в воду, подойдя вплотную к замершей в ожидании Суми. Ее хрупкое тело сотрясалось частым дыханием, глаза оставались закрытыми, будто погруженные в собственные мысли. Обняв девушку сзади, он притянул ее к себе крепче, одной рукой ласково поглаживая влажную кожу, другой уверенно держась за ее стройную талию. Вздох наслаждения сорвался с ее губ, голова откинулась назад, упираясь в теплое плечо Дохи.

— Мне невыносимо больно видеть твое лицо среди другого мужчины, — прошептал он тихонько прямо в ушко, чувствуя нежную дрожь, пробегающую по коже возлюбленной. Губы скользнули вдоль шеи, вызывая мурашки наслаждения. Желание овладеть ею становилось непреодолимым, пальцы легко скользили по гладкому телу, заставляя сердце биться чаще.

— Ты моя, Суми… Только моя! — горячо выдохнул Доха, поднимая королеву на руки и выходя из воды. Оба забывали обо всем на свете, отдаваясь любви и страсти. Крики восторга эхом отражались от стен помещения, пока мир медленно исчезал вдали.

Всю остаток ночи они провели вместе, переплетая страсть и любовь, обмениваясь признаниями и пылкими словами. Но утром реальность вернулась. Прогуливаясь возле окна, собираясь покинуть тайное убежище, Доха мягко коснулся плеча девушки вопросом:

— Почему ты не пришла ко мне той ночью?

Суми опустила взор, печально качнув головой.

— Мой отец заметил меня, я не смогла уйти незамеченной…

Ее голос задрожал, полнясь раскаяния.

— Что теперь делать, если кто-то узнает правду? Про наши отношения…

Подойдя ближе, Доха нежно поцеловал ее в лоб, взглядом выражая свою решимость.

— Ничего страшного, дорогая, я позабочусь обо всем сам, обещаю сохранить нашу тайну.

И снова запечатлев поцелуем свое признание, повторил искренне:

— Люблю тебя, госпожа Пак Суми!

После захода солнца король вернулся домой. Первым делом он поспешил проведать любимую жену. Тихо открыв дверь спальни, Сок Чон застыл, увидев её спящей. Склонившись над кроватью, он внимательно смотрел на спокойное лицо супруги, стараясь забыть долгую разлуку.

«Даже дождаться моего возвращения не смогла…» — произнёс он едва слышно, нежно поправив её растрепавшиеся пряди волос. Тон голоса выдавал лёгкую обиду, хотя король старался скрыть истинные чувства. За недолгое время брака он окружил Суми заботой и вниманием: дарил дорогие украшения, шелковые ткани, открыл доступ к личной библиотеке, зная, насколько она любит читать. А вчера, услышав жалобу жены на боли в животе, приказал срочно вызвать лучших лекарей королевства. Теперь же сердце сжималось от понимания, что супруга совершенно равнодушна к его переживаниям и нуждам. Хотя он так желал, чтобы она дождалась его. Находясь в дороге, он представлял, как ринется в её объятия и вдохнёт её аромат.

Решившись напомнить о себе, король присел рядом и осторожно положил руку на её спину, надеясь почувствовать тепло близкого человека. Однако, неожиданно ощутив сопротивление, он недоуменно посмотрел на жену.

— Что случилось, Суми?

Она чуть повернулась, глядя испуганно и виновато.

— Прошу прощения, ваше величество, но я не готова принять вас… из-за своего состояния…

Разочарованный отказом, король замолчал, устремив взгляд на мерцающую свечу. Долгие минуты он боролся с собой, понимая, что единственным решением станет прямой разговор. Вопрос назрел давно, он боялся услышать ответ, однако ожидание стало невыносимым.

— Признайся честно, Суми, — произнёс он глухо, преодолевая страх, он боялся услышать горькую правду, — ты не испытываешь ко мне и капли чувств? Или твоё сердце уже занято кем-то другим?

Щёки женщины мгновенно вспыхнули, а глаза наполнились горькими слезами. Попытавшись совладать с эмоциями, скрывая от короля свои слёзы, она промямлила:

— Нет, конечно нет…

— Я же знаю, что это не так… — голос Вана звучал с больной обидой на супругу.

В этот момент Суми почувствовала себя самым ничтожным человеком на земле. Её душа, на фоне тихого тела, кричала и выла от того, что она так обходится с человеком, который ничего не знает о её измене и обмане. Она считала, что король ничем не заслужил такой супруги, но она не могла совладать со своими чувствами к другому. Когда Доха касался её, ей казалось, что она не могла им насытиться; ей всегда было мало его прикосновений и присутствия. Возможно, это оттого, что она знала: всё временно, и им снова нужно будет скрываться. Осознавая, что обманывает всех, что совершила непростительное, и что, возможно, такая связь не продлится долго, она была готова идти дальше по лезвию ради любви, которая действовала словно дурман.

Звонкий, фальшивый ответ прозвучал в тишине. Чувствуя искреннюю ложь, король тяжело вздохнул и поднялся с кровати. Беспокойство и сожаление сменялись разочарованием и гневом. Совсем не желая выслушивать жалобные рыдания, звучащие так фальшиво, он решительно вышел из покоев, но перед тем как закрыть за собой дверь, он добавил: — Если бы вы, королева, любили меня, то сейчас не плакали бы так горько. Вы разбиваете мне сердце. Не плачьте больше.

— Боже, что же я творю?…

Так проходили дни за днями. Король и королева делали вид, что между ними не было того разговора. Каждый день Суми был одинаковым, рутинным: с утра она должна была поприветствовать королеву-мать, а после провести трапезу с королём. Далее она наведывалась в дом для наложниц и управляла внутренними делами дворца, касающимися женщин.

Доха в эти дни вынужденно уехал в другой город по поручению короля. Он отправился в Пхеньян, чтобы собрать налоги с северной провинции. Приближался день рождения королевы. Король готовил пышную церемонию, слуги постоянно спрашивали её о её вкусах, о том, что она любит, а что нет, но сердце её было далеко от всего, и мыслями она витала о Дохе.

— Хватит! — Суми вскрикнула и схватилась за голову. — Не нужно меня спрашивать обо всём, к празднованию готовьтесь по стандарту, мне ничего особенного не нужно. — Суми ухватилась крепко за подол юбки и направилась к выходу, за ней потянулись две служанки.

— Оставьте меня, не нужно за мной идти. — Суми была так раздражена, что готова была сорваться на кого угодно.

Она вошла в библиотеку – наконец-то тишина. Она облегченно вздохнула и подошла к окну. — Уже начинает темнеть, значит, я так долго просидела за делами.

Суми услышала, как дверь позади неё открылась, но она не повернулась взглянуть, кто вошёл. Отчего-то ей подумалось, что это Чоним. — Я же сказала, оставьте меня.

Но тёплые руки скользнули по её талии и обняли.

— Почему ты не в настроении?

— Это вы виноваты. Вы захотели устроить праздник в честь моего дня рождения, но всеми делами занимаюсь я.

Сок Чон развернул Суми лицом к себе, сделал шаг ближе и нежно улыбнулся. Сердце Суми вздрогнуло, и она округлила глаза, смотря на него. Она подумала: он хочет близости?

Сок Чон сказал: — Хорошо, они тебя больше не побеспокоят. Король приблизился и дотронулся до её губ. Страсть нахлынула на него. — Я скучал по тебе, Суми. Запивая её губами, он шептал ей, как сильно её любит.

Пхеньян дышал прохладой, — тяжело, с паром изо рта. Доха ступал по брусчатке улицы, где фонари висели гроздьями, словно спелые плоды хурмы, а торговки зазывали прохожих хриплыми голосами. Он снял официальный ханбок ещё в гостинице в которой остановился — теперь на нём было простое серое одеяние, и никто не кланялся ему до земли.

— Господин, попробуйте сладкие каштаны! — девчонка в лохмотьях дёрнула его за рукав. Он бросил монету, больше чем стоила горсть, и она замерла, уставившись на серебро, как на луну, упавшую в ладонь.

В переулке пахло жареным кальмаром и мокрой шерстью. Доха свернул туда, где горел единственный фонарь — красный, как язык. Дверь без вывески, но с двумя иероглифами, нацарапанными мелом. Он не знал, зачем идёт. Просто ноги сами несли его прочь от казённых домов, где спал он один на широкой постели.

Внутри было тепло и тесно. Женщина за стойкой подняла голову — молодая, но с глазами, которые видели всё. Она налила ему без слов и пододвинула чашу.

— Из столицы? — спросила она, не глядя.

— С севера.

— Все с севера, — усмехнулась она. — Здесь каждый второй бежит от чего-то. Или к кому-то.

Доха отпил. Рисовое вино обожгло горло, и он вдруг вспомнил руки Суми — тонкие, как стебли камыша, — Как она отводила взгляд, будто за ширмой прятала лицо.

— У вас есть комната? — спросил он.

Женщина кивнула вглубь коридора, где мигал огонёк.

Дверь скрипнула. Внутри — тюфяк, кувшин с водой, окно, забранное решёткой, за которым завывал ветер. Доха сел на край и сжал колени ладонями. В груди было пусто и гулко, как в опустевшем храме.

Он достал из-за пазухи письмо — нераспечатанное, с печатью короля. Приказ о сборе налогов. И второе, без печати. Он не открыл его до сих пор. Пальцы дрогнули, но он сунул оба обратно.

За стеной смеялась женщина. Скрипела кровать. Кто-то шептал имя, которого Доха не знал.

Он лежал, глядя в потолок, и думал о том, что завтра нужно снова стать собранным, гладким, как галька в реке. Но сейчас, в этой дыре, он позволил себе одну слабость — вспомнить, как Суми перед отъездом утром подала ему чай и их пальцы встретились на фарфоре. На одно мгновение. Дольше, чем следовало. А ведь скоро у нее день рождения нужно будет выбрать для нее изысканный подарок. Завтра я отправлюсь на рынок.

Ветер скрёбся о стекло, как чьи-то когти. Доха закрыл глаза.

С первыми лучами Доха покинул старый постоялый двор и пошел в дорогой, где остановился ранее, он облачился в свои дорогие одежды и взял побольше денег, вышел на улицу. Пыль Пхеньяна оседала на сапогах Доха, а рынок гудел, как потревоженный улей: торговцы заморских диковинок кричали наперебой, выставляя напоказ шелка цвета закатной крови и нефритовые шкатулки с секретами. Он шёл сквозь этот человеческий водоворот, ища не блеск, а тень — что-то, что напомнило бы ему о тихом взгляде Суми. Ничего. Ни единой вещицы, что легла бы на её ладонь, как вторая кожа.

У выхода, где воздух становился гуще от запаха рыбьей чешуи и мокрой глины, его взгляд зацепился за сундук. Красное дерево, тёмное и тёплое, как свежая кровь, обвитое золотой проволокой, а по крышке — жемчуг, яркий, точно глаза. Женщина с ребёнком за спиной, привязанным ветхой тряпкой, стояла неподвижно, и тень от её ресниц падала на скулы, как трещины

на фарфоре. Доха коснулся пальцами костяных цветков, вбитых в дерево, — лепестки были гладкими, холодными, а стебли вились, как вены на запястье спящей.

— Что это? — его голос прозвучал глуше, чем он хотел.

— Господин, это красное дерево с жемчугом и слоновой костью. Мой отец сам сделал этот сундук. — Она открыла крышку, и внутри, на белом шёлке, лежали три пары туфель. Не просто обувь — лодочки из парчи с загнутыми носами, расшитые бисером, что мерцал, как чешуя карпа; атласные, цвета спелой сливы, с вышитыми пионами; и третьи — из мягкой кожи, прошитые серебряной нитью так тонко, что казалось, будто паук плел их всю ночь. Доха смотрел, и в горле у него пересохло. Суми. Её нога ступит в эти туфли, и половицы дворца забудут, что такое скрип.

— Я куплю это всё вместе с сундуком.

Помощник уже грузил покупку в телегу, когда Доха обернулся. Женщина всё стояла, прижав к груди ребёнка, и её пальцы, тонкие, как сухие стебли, теребили край тряпки. Он бросил ей монету — больше, чем стоило, — и она поймала её на лету, не глядя. В её глазах не было благодарности, только тень узнавания: так смотрят на тех, кто уходит, а ты остаёшься.

От чего-то уходя, в голове застыл взгляд этой продавщицы сундука, наполненный болью и бедностью. «Надеюсь, это как-то облегчит её страдание», — подумал Доха.

Помощник подбежал к советнику после того, как загрузил сундук в телегу: — Господин советник, мы сейчас направляемся в административное здание?

— Да, нам сегодня нужно собрать налог и сразу же отправиться во дворец. Телега остановилась у самых ног Доха, и тот в неё сел. Трясясь какое-то время на кочках, они прибыли к двухэтажному ухоженному зданию.

Оглядевшись, Доха нашёл это немного странным: — Почему здесь никого нет и так тихо? Помощник пожал плечами и первым открыл двери и вошёл в главный зал: все уполномоченные люди выстроились в горизонтальную линию и приветствовали советника, широко улыбаясь.

Помощник тут же обернулся, взглянул на господина советника и сказал ему: — Вот почему — они все здесь» — кивнув головой в их сторону.

Доха не хотел поднимать шум вокруг своей персоны из-за того, что не верил в эти лицемерные улыбки, пытающиеся угодить; как раз-таки наоборот, он хотел нагрянуть к ним внезапно и оценить, как обстоят дела на самом деле, но из-за того, что утром он в первую очередь пошёл на рынок, слухи быстро донеслись, что королевский совет прибыл в город.

— Кто у вас главный?

Мужчина средних лет в синей одежде и с длинной бородой вышел вперёд и согнулся в почтительном поклоне: — Советник, прошу вас в наш кабинет.

Доха вошёл и сразу же сел за деревянный стол: — Как я могу к вам обращаться?

— Меня зовут Ким Ча Ын, я глава этой деревни и занимаюсь всеми вопросами.

— Хорошо. На самом деле у меня не так много времени, поэтому я бы хотел быстро перейти к делу: я хочу посмотреть вашу книгу учёта и сверить все подсчёты. Если всё сходится, то мы сразу же покинем это место и направимся во дворец.

Господин глава Ким Ча Ын быстро предоставил все необходимые документы и отдал налог в руки советнику. Через пару часов, сверив все итоги, Доха распрощался и покинул здание.

Дорога во дворец вилась среди холмов, и телега скрипела, убаюкивая. Доха думал о том, как Суми откроет сундук — медленно, будто боясь обжечься, — и как жемчуг отразится в её зрачках. Через пол дня к самым сумеркам телега въехала в ворота, и стража склонила копья. Доха спрыгнул на землю, и пыль взметнулась вокруг его сапог. Впереди был дворец, шумный и хищный, а в руках — сундук, тяжёлый, как обещание.

Начало праздника ознаменовалось приветствием гостей. Каждый гость стремился лично выразить своё уважение и поздравить королеву. Однако Суми ожидала лишь одного человека.

Когда наконец Доха вошёл во дворец и приблизился к трону короля и королевы, он низко поклонился обоим монархам. Увидев его, улыбка осветила лицо Суми. Её супруг, король Сок Чон, сразу отметил перемену настроения жены: её лицо оживилось радостью и светилось счастьем. Это задело чувства короля, ведь весь день и вечер королева пребывала в мрачном настроении, а теперь мгновенно расцвела от появления слуги.

— Ваше Величество, прошу принять мой скромный дар, — сказал мужчина, предлагая закрытый сундук.

Королева с интересом взглянула на него:

— Что находится внутри?

Доха осторожно открыл крышку и извлёк оттуда три роскошные пары обуви. Выбрав одну туфлю, он предложил надеть её лично.

— Моя королева, — с нежностью и искренней теплотой обратился советник, встретившись взглядом с королевой прямо на глазах у короля. — Я обошёл весь Пхеньян, чтобы отыскать нечто достойное вашей красоты. Эти изящные туфли покорили моё сердце одним видом, и я немедленно представил, насколько восхитительно они будут смотреться именно на ваших ногах. Могу ли я иметь честь собственноручно обуть вас ими?

Она согласилась, позволяя своему тайному любовнику совершить этот интимный жест публично, забыв о всяких правилах приличия. Присутствовавшие гости смотрели на происходящее с изумлением и смущением. Некоторые шёпотом обменивались шутливыми комментариями относительно неуместности поведения советника и королевы, пытаясь разобраться в истинных отношениях между ними. Атмосфера накалилась, и каждый гость ощутил исходящее от короля сильное напряжение.

Лицо короля выразило явное неудовольствие сценой, разыгрывающейся перед ним, но он молча принял ситуацию, стараясь убедить себя, что поведение Дохи обусловлено искренней дружбой и привязанностью к семье. Возможно, подобное проявление внимания продиктовано лишь желанием укрепить дружеские связи и доказать свою верность королевской семье. По крайней мере, открыто реагировать означало рисковать созданием ещё большего повода для слухов среди общественности. Король намеренно простил эту выходку своему советнику ради собственного достоинства.

Вечеринка продолжалась своим чередом. Министры и другие богатые деятели распивали и обсуждали, по их мнению, важные дела и события, подчёркивая свою важность в обществе. Между тем Доха, находясь с этими мужчинами за одним столом, не обращал внимания на пустые разговоры, незаметно покинул зал торжеств и направился на небольшой тихий участок земли за пределами дворца. Это место было особенным укрытием детства короля и самого Дохи. Мальчишками они часто скрывались тут, играя вдали от посторонних глаз. Много лет минуло с тех пор, как ни тот, ни другой не ступали на эту землю.

— Нужно бы привести в порядок это место, оно заросло травой, — задумчиво произнёс Доха, окидывая взглядом запущенный уголок своего прошлого.

Но шум сзади отвлёк его мысли.

— Почему ты ушёл? — тихо прошептала Суми, положив голову ему на плечо. — Мне становится беспокойно, когда тебя нет рядом.

— Так сильно ты переживаешь, если меня нет хотя бы минуту? — мягко спросил Доха, разворачиваясь лицом к любимой женщине.

— Ты специально пошла за мной сюда? Или случайно натолкнулась на это место? Иначе как ты оказалась здесь?

— Нет, я следовала за тобой… А что это вообще за место? Не знала, что оно тут есть, — искренне поинтересовалась Суми.

— Это часть моих воспоминаний, очень добрых и чистых. Мы с Сок Чоном прятались здесь от дворцовых слуг и играли до самой ночи.

Доха отвёл взгляд, оглядывая всю местность, и глубоко вздохнул. Их голоса звучали у него в голове. Он говорил о своём детстве с горящими глазами. Вспоминая их дружбу с болью в душе, осознавая, что он натворил.

— Тогда я не знал, что мне предстоит так предать своего друга. Если бы я знал, то держался бы от него подальше.

Суми охватила печаль, жар наполнил её лицо от стыда, и слёзы подступили к её глазам. Ей тоже было тяжело от всего происходящего.

— Мы оказались врагами совершенно невинному человеку. Но… Доха… Ради нашей любви, ради нас я всё смогу пережить. Даже если о нас узнают и я запомнюсь как одна из самых порочных женщин, я смогу это пережить.

Доха прижал её к себе и крепко обнял.

— Я сделаю всё, всё, чтобы ты не пострадала, верь мне. Я найду способ, и мы сбежим с тобой вместе. Когда-нибудь это случится. — Ты мне доверяешь?

Держа её обеими руками за лицо, Доха крепко закрепил свои слова нежным поцелуем. Непреодолимая страсть овладела ими. Чувства захлестнули их. Его губы непрерывно целовали её, спускаясь к нежной белой шее. Руки неосознанно потянулись к завязкам её ханбока. Распахнув её грудь, он целовал её стройные плечи и грудь. В порыве страсти он развернул её к себе спиной. Он продолжал целовать её спину и шею. Доха будоражил её с каждым прикосновением. Посторонние мысли развеялись, они могли думать только об одном, и ими управляла сейчас только любовь. Он поднял подол её юбки вверх. Суми дрожала от возбуждения; когда не было сил терпеть, он вошёл внутрь. Её стоны были слышны по всей местности — она позабыла, что их могли услышать. Они не хотели уходить, перейдя со скамейки на террасу под крышей, растворившись во времени. Услышав голоса прислуг за каменным забором, они опомнились, что их, возможно, потеряли.

— Нас ищут, нужно идти. Сначала выйду я, потом ты, дорогой.

Суми быстро оделась и незаметно вышла. Все проводили время, не заметив её отсутствия. Королева как ни в чём не бывало села рядом с королём.

— Где вы были, моя королева?

— У меня закружилась голова, и мне пришлось немного отдохнуть, но сейчас всё в порядке, не беспокойтесь, мой король.

Суми пыталась говорить твёрдо и уверенно, хотя сердце дико колотилось от того, что она только что предала своего мужа вновь. Совесть кричала и рвала внутри, но невозможно сдержать себя, когда он рядом. «Я ужасная женщина, мой грех непростителен». На душе была словно дыра, хотелось плакать от своих же поступков.

Доха тут же появился в поле зрения. Встав рядом с королём, он кинул взгляд на Суми, а после на короля.

— Вам что-нибудь нужно, мой король?

— А ты куда пропал, Доха?

— Я осматривал двор.

— Всё же хорошо?

— Да, Ваше Величество. — Доха поклонился и произнёс: — Я могу закончить и уйти?

— Хорошо, иди, Доха!

Ему было стыдно смотреть королю в глаза, и он ушёл опять на ту же лужайку, где был пару минут назад.

Сев на скамью, он спрятал лицо в ладонях. Боль разрывала его изнутри. Издав громкий крик отчаяния, он начал горько плакать, бесконечно повторяя одни и те же слова:

— Как мне быть? Как мне быть?..

Почувствовав лёгкое прикосновение на плече, он произнёс, не поднимая глаз:

— Опять пришла, Су…

Однако знакомый голос прервал его поток мыслей:

— Так и знал, что ты что-то скрываешь, Доха!

Он не ожидал услышать этот голос и замер от неожиданности. Сердце бешено застучало, глаза лихорадочно бегали по сторонам.

— О чём вы, Ваше Величество? Что я могу скрыть от вас?

— Зачем пришёл сюда и почему в таком расстроенном состоянии? Ведь я чётко расслышал, как ты произнёс: «Ты опять пришла».

Король уселся рядом и мягко заговорил:

— Объясни, что с тобой стряслось? Ты понимаешь, что я твой друг и близкий человек, можешь довериться мне.

Доха молча смотрел перед собой, ощущая тяжесть молчания.

— Хён, я… влюблён, — наконец прошептал он, делая долгую паузу.

— В кого ты влюблён?

— Сказать не могу, поскольку мы не вместе.

— Но что же тебя терзает?

— Невозможность быть с ней, это исключено…

Вздохнув тяжело, он оглядел окружающее пространство, вспоминая детство, проведённое здесь.

— Помнишь, как ты свалился с этой скамьи, а обвиняли меня?

— Конечно, именно здесь я ушиб голову, и мать ругала тебя за это. Ты даже пытался залечить рану подорожником, чтобы никто не узнал, но бесполезно оказалось…

Обменявшись взглядами, друзья ненадолго вернулись мыслями в прошлое, наполненное счастьем и простотой.

— Затем меня жёстко наказала придворная дама, — добавил Доха с лёгкой грустью. — Ах, как чудесно было тогда…

— Доха, я скажу тебе одну вещь. Нет ничего невозможного: если это любовь взаимна, то будь верен себе. Надеюсь, настанет то время, когда ты сможешь мне всё рассказать. А теперь я пойду, моя госпожа меня ждёт.

Пьяные гости покинули дворец оставив за собой последствия праздника, ночной шум, постепенно уступивший место утреннему солнцу. Дворец ожил под яркими солнечными лучами. Вместе с королём завтракала королева, которой становилось плохо от вида блюд.

— Тебе нездоровится? Тебя тошнит?

— Возможно, несварение желудка.

Приказав вызвать врача, король велел прислужнице немедленно привести лекаря.

Спустя мгновение лекарь измерил пульс королевы.

— Ваше Величество, поздравляю, вы скоро станете матерью!

— Беременна?.. — ахнула Суми.

Понимая, чьё дитя она вынашивает, королева нервно посмотрела на вошедшего советника Доху.

— Советник, как вижу, вы узнали, что моей супруге нездоровится.

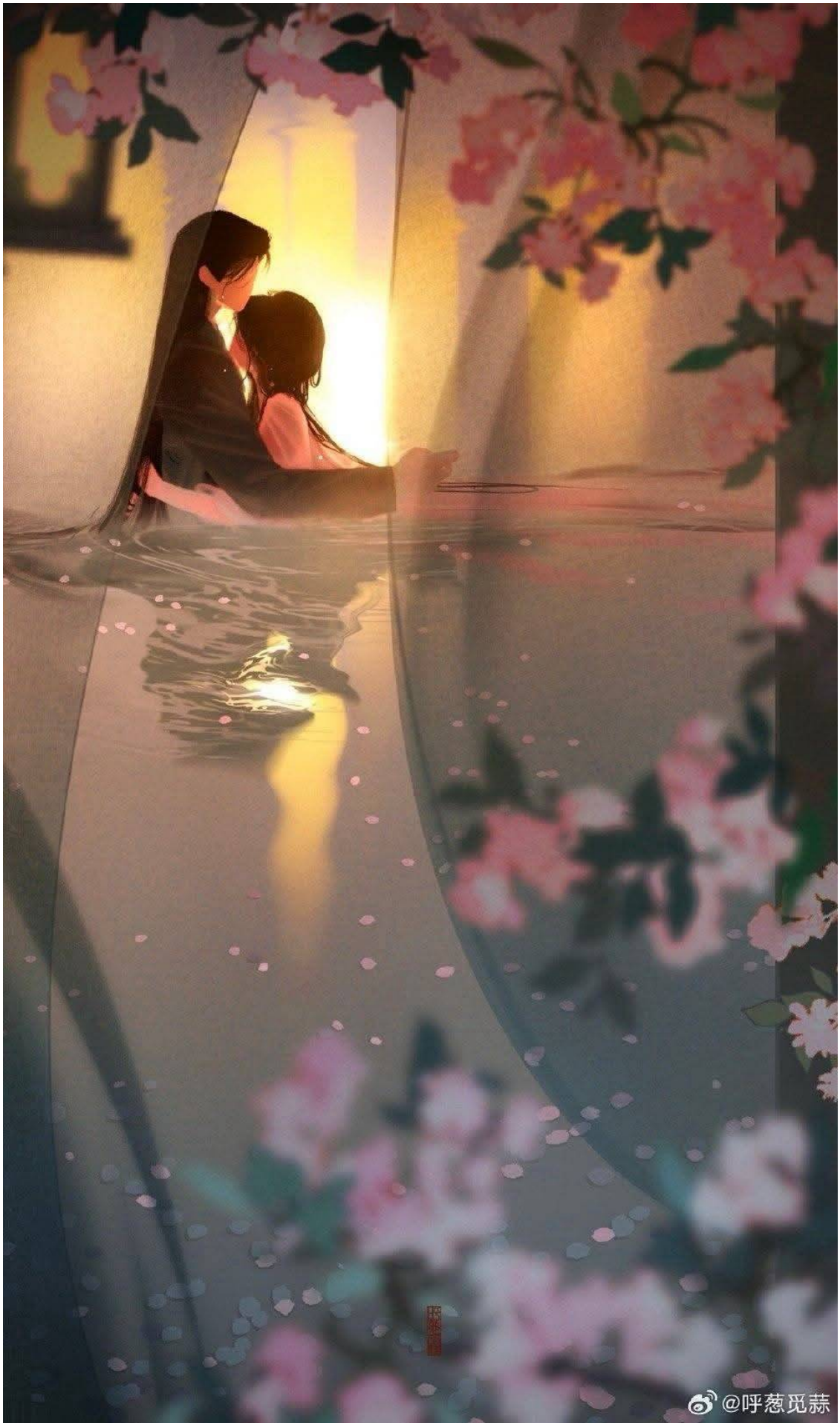
Радостно обняв Доху, король воскликнул:

— Скоро у меня родится наследник!

На сердце закралась тревога: нужно торопиться, что-то предпринять, нужно бежать, но как это сделать? Голова словно в тумане, мысли переполняют разум: я стану отцом, это мой ребёнок…

— Доха, ты слышишь? — король одёрнул советника.

— Да, Ваше Величество, я вас поздравляю, — Доха поклонился и поспешил уйти.


@呼葱觅蒜